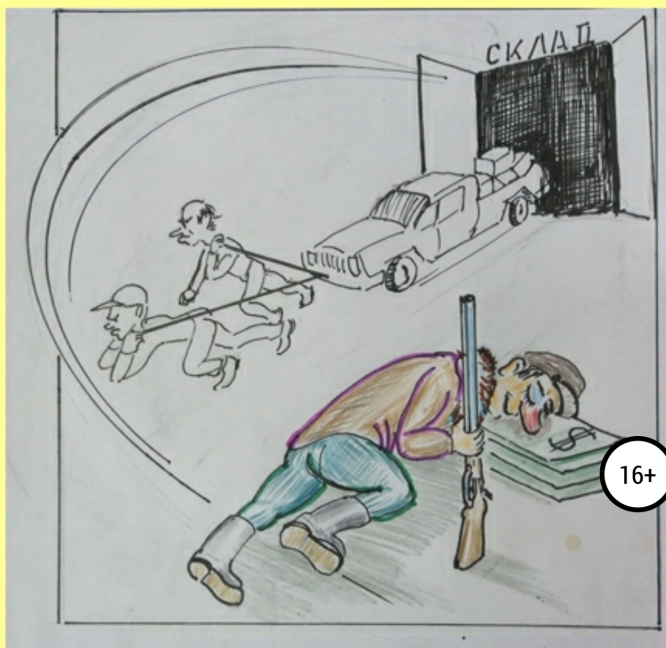

Иван Яцук

***Весёлые пилюли
смехотерапии***

16+

Сборник сатиры и юмора

Иван Макарович Яцук

Весёлые пилюли смехотерапии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43089381

SelfPub; 2020

Аннотация

В очередную книгу известного украинского писателя-юмориста Ивана Яцука вошли, как новые юмористические произведения, так и юморески из прошлых сборников, полюбившиеся читателям. Все они написаны оригинально, увлекательно, с большой выдумкой и даже озорством. Веселые истории, фельетоны, памфлеты, юморески помогут в тяжелые для вас моменты жизни поднять настроение, снять напряжение трудовых будней, выйти из депрессии, если вы чем-то удручены, и заменять дорогие психотропные лекарства, не всегда безопасные.

Содержание

Аннотация	4
От автора	5
Случай с майором полиции	8
Ох, рано...	17
Перевод	30
Палец	36
Значение кондиционера	41
История с дубом	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Аннотация

В очередную книгу известного украинского писателя-юмориста Ивана Яцука вошли, как новые юмористические произведения, так и юморески из прошлых сборников, полюбившиеся читателям. Все они написаны оригинально, увлекательно, с большой выдумкой и даже озорством. Веселые истории, фельетоны, памфлеты, юморески помогут в тяжелые для вас моменты жизни поднять настроение, снять напряжение трудовых будней, выйти из депрессии, если вы чем-то удручены, и заменять дорогие психотропные лекарства, не всегда безопасные.

Иван Яцук

Веселые пилюли смехотерапии

Сборник сатиры и юмора

От автора

Один из классиков как-то сказал: «Не приведи, господь, жить в интересное время». А вот нас, подишь ты, угораздило. Ну что делать – приходится жить; смеха, правда, мало, но и вовсе без него не обойтись. Что хорошего вечно ходить с постным лицом человека, недавно вернувшегося с кладбища, и жаловаться на рост тарифов. Надо как-то обустроиться и в данной ситуации – не всем же рождаться в Норвегиях, где и в тюрьме дают три варианта завтрака.

Психологи советуют даже самую безнадежную ситуацию представить как повод для шутки, и тогда она, эта ситуация, представится совсем в ином свете.

Конечно, далеко не всем удастся так преобразить свою жизнь. Чаще наша улыбка напоминает «улыбку горькую обманутого сына над промотавшимся отцом».

Ну да ладно – не будем о плохом. Все настойчивей врачи советуют лечиться смехом. И, действительно, если человек улыбается, значит, он преодолел некий болезненный симптом в себе и готов радоваться жизни. Подчас это имеет решающее значение в лечебном процессе.

Смех расслабляет сосуды, сжатые донельзя жизненными проблемами, расширяет грудную клетку, давая организму больше кислорода; смех помогает человеку, понуро бредущему по жизни, поднять голову и посмотреть на мир новы-

ми, смеющимися глазами; смех абсолютно не имеет никаких побочных эффектов, кроме лечебного. Смех намного дешевле дорогостоящих импортных психотропных лекарств, польза от которых во многих случаях весьма сомнительна, зато вред точен, как швейцарские часы на руках народных депутатов.

Перед вами книжка смехотерапии, состоящая из нескольких десятков смехотворящих таблеток— юморесок. Принимайте их по одной на завтрак, на обед и на ужин или перед тем, как лечь спать, и вас не будут мучать кошмары, не будет изнурять бессонница, не будут пугать тяжелые впечатления минувшего дня— глубокий, освежающий сон вам обеспечен. Причем, эти таблетки— лекарство многоразового использования, оно не имеет сроков годности, не гниет, не портится, не истощается, готово к употреблению в любой момент, это скатерть-самобранка, способная незамедлительно выдать вам порцию мягкого, интеллигентного юмора.

В книге почти нет политических тем. Бог с ней, с этой политикой; слишком это опасная и шаткая основа для нынешнего юмориста: мало того, что тебе могут припаять нанесение ущерба безопасности страны, угрозу конституционному строю, «зазіхання на незалежність та роздмухування національного розбрату», так еще и темы эти скользкие, сюиминутные, непостоянные в своей оценочной сущности. То, что еще вчера было очень хорошим, полезным, поощрялось, завтра может стать в такой же степени плохим и будет на-

казываться. Нет, уж дудки, надо обращаться к более постоянным предметам. Недавно перечитал Петрония и Апулея, писавших две тысячи лет назад. Ба! Знакомые все лица и положения: злая мачеха, сварливая, ревнивая жена, неудачи на любовном ложе, непомерные жадность, скупость, хвастовство, приводящие к смешным ситуациям, вероломство друзей. Вот они—вечные темы! Вот о чем надо писать! Тут не ошибешься в оценках и не попадешь в «непатриоты».

Я не могу вам обещать гомерического смеха до колики в животе, до икоты и лез — не такое сейчас время для подобного хохота. Моя задача намного скромней. Если мягкая, понимающая, пусть даже с некоторой грустинкой в глазах, улыбка тронет губы читателя — я буду доволен. Это и есть тот квантовый скачок, который обеспечивает переход от болезни к излечению. Живите, радуйтесь, читайте, принимайте для профилактики смешную микстуру юмора — это единственное противоядие против нынешних телевизионных и правительственных новостей. Здоровья вам и задорного, целебного смеха!

Случай с майором полиции

Майора полиции очень трудно разговорить, особенно если при исполнении... Но можно. С этой целью я прибегнул к услугам хорошего, уютного кафе. Михаил Андреевич оказался крепким орешком, и лишь, когда дело пошло на литры, тогда он раскололся и стал давать показания. Из его рассказа я вынес представление о повышении интеллекта в стройных рядах нашей славной полиции, в ее, так сказать, шеренгах и когортах.

Итак, со слов майора:

...В тот день дежурство прошло как обычно: зафиксировали два изнасилования; третье, правда, не удалось, несмотря на все усилия потерпевшей. Было также одно небольшое убийство, пять тяжких телесных повреждений в различных окраинах тела, несколько бытовых ссор с битьем посуды и криками: «Ты мне всю жизнь отравил». Ну еще два пожара, погашенных в зародыше, разборки с наркоманами. Двоих продажных девиц сцапали возле университета. И на том пошабашили.

Прихожу домой, поужинал, телевизор посмотрел и забылся тревожным полицейским сном. Вдруг уже поздней ночью телефонный звонок. Дежурный райотдела:

– На вашем участке солидное убийство, прибыть по адресу для консультации с целью быстрого раскрытия.

Называет адрес. Наша служба, как известно, и опасна, и трудна. Собираюсь. Успокаиваю жену, она смотрит на меня понимающими глазами и говорит: «Лучше бы они тебе зарплату с такой оперативностью платили». Ничего я ей на это не ответил, потому что отвечать нечего, только одеваю фуражку – и вперед.

Прибываю на место происшествия. Здесь уже ребята из городской прокуратуры, с ними два стажера из местного юридического института. Наш красавец лежит посреди комнаты, вокруг кровища, на столе остатки роскоши. Прошелся по квартире, потрогал, понюхал, пощупал. Бизнесмен на взлете, все обычные атрибуты: сотовый телефон, видеоаппаратура, импортная бытовая техника, евроремонт, модные шмотки. Готовился жить на широкую ногу.

А наши школьники из прокуратуры продолжают штудировать по учебнику: фотографируют, расстояния измеряют, «пальчики» снимают, остатки еды по мешочкам рассовывают, бокалы на свет и так и сяк поворачивают, друг с другом тихо обсуждают версии и как бы поступил в этом случае Шерлок Холмс.

Наконец один из стажеров подходит ко мне и вежливо спрашивает:

– Что вы думаете, товарищ майор, по этому поводу? Видимо, предстоит долгое расследование? Никаких явных улик, только на столе явно прослеживается след от удара тупым предметом, предположительно головой. Но это пока ничего

не проясняет.

– Вы, конечно, можете делать все, как вас и меня в свое время учили в институте, – отвечаю то ли сердито, то ли шуточно, – но лично я закрыл бы квартиру до утра и поехал бы домой. Может, вы еще успеете досмотреть игру «Милана» с «Ромой», а я почитал бы что-нибудь из Марининой, как не бывает в жизни. Ну а если вы торопитесь, то я и сейчас могу в общих чертах обрисовать схему убийства.

– Ну-ну, мы слушаем, – подойдя к нам, с видимой иронией сказал руководитель группы.

– Были два кореша, – начал я, – занимались вдвоем в спортивной секции, потом стали заниматься бизнесом, как и многие. Дело пошло, но приходилось хитрить, прятаться от налогов и так далее. На каком-то этапе поймались. Один взял все на себя, другой обещал помочь ему и его семье, но потом забыл о подельнике. Того замели на несколько лет.

Вышел по амнистии, решил навестить «друга». По дороге прихватил путану. Начали мирно, с водочки. Когда все выпили, дело дошло до марочного армянского коньяка в тяжелой глиняной бутылке, который бизнесмен приготовил для свидания с продавщицей промтоварного магазина. После этого началась разборка. «Ты, сука, не передал в зону даже пачки сигарет, не поинтересовался, как я там мантулю за твои делишки». «Прости меня, Серега, я хотел, но дела не пускали: то одно, то другое, время – деньги, сам знаешь». «Ах ты, козел, время у тебя не хватало, а у меня, значит,

хватало горбатиться, пока ты здесь коньячок попивал и баб трахал?»

Ну и пошло-поехало, слово за слово пошли счеты. Бизнесмен боксерским приемом стукнул подельника по печени, надеясь, что зек не в форме. А тот решил повысить коэффициент использования коньяка, доведя его до 100 процентов, то есть хватил бывшего дружка по голове бутылкой, да так, что тот до сих пор, как видите, отдыхает. Шалава, икая от испуга и с побелевшими губами, несмотря на густой слой помады производства Николаевского завода «Алые паруса», бросилась перевязывать руку своему «кавалеру», который порезался осколками бутылки.

Советую вам завтра узнать по картотеке, кто из бывших дружков убитого недавно возвратился из районов интенсивного лесоповала, и можете засчитать себе первое раскрытие.

Вот и вся моя консультация. Что они там дальше делали, не знаю. Я повернулся и ушел, поблагодарив за то, что они решили подвезти меня домой служебным транспортом. А через день снова дежурство: поимка «металлистов», кража в каком-то лицее, малолетние попрошайки и бездомные, опять семейные разборки на кухне – в общем, я и забыл о своей консультации.

И вдруг как-то вечером уже перед уходом домой вызывает меня начальник райотдела:

– Присаживайтесь, Михаил Андреевич, – говорит мне любезно Григорий Иванович, подполковник, – как дела, как в

семье?

– Хорошо, как у всех, жена достает, что вовремя зарплату не дают.

Шеф подходит к окну, смотрит вдаль и говорит, не оборачиваясь, мечтательно, почти с поэтическим настроением:

– Да-а, осень уже поздняя, грачи улетели, лес обнажился, поля опустели. И мы тоже стареем, осыпаемся. Опыт большой, а все больше ненужный. Покоя сердце просит. М-да.

«Куда эта хитрая лиса клонит, – думаю, – неужто провожать меня собираются, так рановато еще. Да я и никакого повода не подавал».

– М-да, – шеф опять пожевал губами. – Пригласите кого-нибудь из общего отдела.

Я пригласил. Наталью Сергеевну из канцелярии.

– Некоторые формальности, Михаил Андреевич, – уже сухо чеканит подполковник. – Ваша фамилия, имя и отчество?

– Григорий Иванович, не понял?

– Фамилия, имя, отчество?

– Злыдень Михаил Андреевич.

– Год рождения?

– 1970-й, 5 июля.

– Судимость?

– Не судился, но родители были на оккупированной врагом территории, – пробую шутить.

– Не паясничайте, место рождения?

– Село Ивановка Ивановского района Херсонской обла-

сти.

– Теперь, Михаил Андреевич, очень подробно поясните, а вы, Наталья Сергеевна, тщательно записывайте, откуда вам заранее стали известны подробности убийства по улице На-шатырной, 2?

– Какое убийство, какие подробности? – взмолился я. – Меня вызвали, я осмотрел. Банальное убийство, в шутку высказал свое предположение, уехал и забыл.

– Ваши шуточки вылились в этот рапорт, – и шеф протягивает мне бумагу, – читайте. И резолюция: «Подполковнику Корнейчуку внимательно разобраться и доложить». Вот и все шуточки.

Читаю: «Начальнику городского отдела внутренних дел Сивоконю В.А. Рапорт. При расследовании убийства бизнесмена Гераськина Н. В. для консультации был вызван майор Злыдень М.А. Встретив взгляд моих железных, всепонимающих, всепроникающих глаз, майор Злыдень М. А. стушевался и под видом своей версии раскаялся и чистосердечно рассказал картину убийства. Она такова... При дальнейшем расследовании версия полностью подтвердилась вплоть до мельчайших подробностей, до губной помады производства Николаевского завода «Алые паруса». Согласно теории вероятности такого совпадения не может быть, потому что не может быть никогда. В пользу предположения о причастности майора Злыдень М. А. к преступлению говорит тот факт, что при обыске на квартире убитого не обнаружено ни одной

гривны денег. Такого тоже не может быть, чтобы на дому у бизнесмена не было денег. Значит, их кто -то забрал. Этот «кто-то» и есть майор Злыдень М. А. Во время убийства он находился в квартире. Каким образом он туда попал, будет выяснено в ходе дальнейшего следствия. Гражданка Дундукова, хозяйка губной помады, задержана. Она пока не дает свидетельских показаний на гражданина Злыдень М, А., но при применении некоторых превентивных мер воздействия она, очевидно, во всем сознается.

На основании вышеизложенного прошу вас дать разрешение на задержание майора Злыдня М.А. по обвинению в соучастии в преступлении.

Курсант – дипломник Груша С. С.»

– Ну как? – спросил подполковник, когда я закончил читать. – По-моему, весьма убедительно, а? Я читал у какого-то англичанина, что ежели ты идешь по земле, усыпанной яйцами, то хотя бы не подпрыгивай. А ты как слон в посудной лавке. Ну почему ты решил, что у этой стервы помада от «Алых парусов»? Объясни, пожалуйста.

– Почему, почему, – мрачно сказал я, – ляпнул – вот и все. Это же группа риска, девицы эти любят густо краситься, а денег в обрез. Вот и берут, что подешевле. А дешевле «Алых парусов» нет ничего. К тому же местное производство, левак идет, он еще дешевле. Вот и каркнул.

– Хорошо, ну а как ты, Холмс, догадался, что у этого бизнесмена любовница – продавец промтоварного магазина? Я,

как Ватсон, никак не пойму.

– Я же вам говорил, Григорий Иванович, что пошутил со злости. Говорил первое, что приходило в голову. Откуда сейчас приходят в бизнес? – скорее всего из спорта, бывшие бармены, кладовщики, фарцовщики. Для них всякие киоскерыши, реализаторши, поварихи – пройденный этап. Но и до директрис, менеджеров в юбках они еще не доросли. Остаются продавщицы модных магазинов. В продовольственных магазинах работать тяжелее – там надо стоять на ногах двенадцать часов, там не побалуешь. А вот в промтоварных – там конкурс, попадают смазливые, длинноногие, с претензией на манеры. Работа непыльная, не грязная, не напряженная. В общем, торговый бомонд. Такой бутылочку »русской« не поставишь, подавай шампанское или коньячок.

– Ну ты, Михаил Андреевич, даешь. Как по Конан Дойлю. Полная индукция и дедукция.

– Поварится кто тридцать лет в нашем котле – любой аналитиком станет, – скромно отвечаю.

– Ну не скажи, – возразил шеф, – а я-то думал, отчего у тебя на участке процент преступности меньше, а раскрываемость выше. Оказывается, вот где собака зарыта. А вот с деньгами как? – подполковник прошелся по кабинету и хитро посмотрел на меня, думая, что поставит меня в тупик, – может, и это разгадаешь, а?

– Разгадать не разгадаю, а предположить можно, – ответил я. – На работе надо спросить, не закупал ли он за наличку

крупную партию товара. Или кредиторы за горло взяли. Если не то и не другое – значит, надо опять в квартире искать. Подождем, пока наши умники окончательно скажут, что денег нет. Тогда я пойду и постараюсь найти.

Короче, через несколько дней я опять попал в эту квартиру и в месте прикрепления люстры к потолку нашел тайник: там известь слегка осыпалась. После этого меня еще вызывали, убедились, что все чисто, и наградили почетной грамотой, а заодно и сказали, чтоб греб к берегу: хватит, мол, плавать, молодых некуда пристраивать. На мое место Грушу готовят, он умеет с компьютером обращаться, а для меня это – темный лес.

– Кстати, – заинтересованно спросил я, – почему бы вам не стать депутатом хотя бы горсовета? Люди вас знают. Я первый за вас отдам свой голос. Мне наплевать на компьютер – лишь бы в подъезде меня не раздели и не оглушили.

Майор ничего не ответил, грузно поднялся и пошел прочь, почти не шатаясь.

Ох, рано...

Сейчас, братцы, я хочу рассказать вам о нашей доблестной охране. Но не о всей охране – охрана, как известно, очень велика. Боже упаси, брать на себя такой тяжкий труд. На это есть классики, способные подниматься до глубоких обобщений; на это есть большие литературные формы, как то: эпосы, эпопеи, трилогии, романы, на худой конец, вместительные повести, близкие к роману по объемам и количеству персонажей.

Нет, у меня лишь небольшой рассказец, да и тот не обо всей охране, а только о маленьком частном случае. Ну, например, об охране некоего молокозавода, дай бог ему стоять сто лет и не расхищаться. Товарищи заводчане, заранее извините меня, сирого. Это я так, для блезиру. У вас, наверно, отличная охрана, и не бывает записок от начальства, и никто не выпивает на рабочем месте, и даже совсем отсутствуют докладные от материально-ответственных лиц, что, мол, там-то и так-то были нарушены пломбы и замки. У вас, естественно, этого ничего нет, потому что вообще быть не может ни при каких обстоятельствах. А я ни с того ни с сего вдруг припел какой-то молокозавод, неизвестно где и как расположенный, и тем самым навожу тень на плетень.

Еще раз истово извиняюсь, но надо же кого-то припрятать для фантазии. Рыбокомбинат назвать, что ли? Так и рыбо-

комбинат можно обидеть. Его хоть и признали банкротом, но люди там имеют высокое понятие о чести, и чтоб там что-нибудь такое-этакое сомнительное – ни-ни. Конфетную фабрику тоже назвать не могу, потому как ворованным шоколадом у нас на рынке не торгуют, а только из-под полы показывают всякие деклассированные элементы, достойные хулы и порицания. У конфетной фабрики экспорт в десятки стран мира, микроскопы, рефрактометры, люди в белых халатах – разве там уместны какие-то недочеты в охране? Если и случается небольшая пересортица мускатного ореха с орехом греческим, или вместо обоих орехов в «Метеорите» вдруг ореховая скорлупа обнаруживается – так разве это тема для обобщений? Нет, о кондитерах больше ни слова, руки прочь от кондитеров, не смей позорить честные имена и фамилии.

Или возьмем мясожиркомбинат. Никакой общественной собственности на орудия и средства производства. Акционерное общество, личная ответственность. Совет акционеров во главе с независимым председателем родом из Киева с пятью заместителями на все случаи жизни. А над ними наблюдательный совет. Письма, телеграммы в Киев и назад, факсы и телексы – и во всем строгости ужасные, никакой поправки расхитителям. Охраны – видимо-невидимо, охранник на охраннике сидит и охранником погоняет. А сверху собственная служба безопасности, расследования, контроль. А еще сверху – ой-ой-ой. Что-то украсть? – вы о чем говорите, типун вам на язык; и думать забудьте, плохие мысли мо-

гут материализовываться. Муха не пролетит незамеченной, комар не проползет. Ну разве что КАМАЗ с прицепом ночью... Так это ж в кои веки бывает и все больше теоретически. А все-таки растащили, говорите? Ну это же ясно, как белый день – коварная, византийская рука Москвы, москали проклятые, для них даже шестнадцать постов охраны – чистое поле.

А руководство-то, руководство! Святые люди. Неподкупны, как Робеспьеры, Сен-Жюсты и прочие Цюрипы, истинный вам крест. Голодают, но зернышка макового в рот не возьмут без разрешения начальства. Только с его разрешения. А как убиваются, что им только один мясожиркомбинат достался, а не два и не три! Прямо лоб себе побивахом. А что бессребреники, что истина дороже им всяких Платонов и друзей – так уж и говорить не приходится. Друга, коллегу не угостят фальсифицированной сосиской – а вдруг растрата?! Пятно на репутацию, горе-горюшко-то какое, позор, посыпай голову пеплом, подавай в отставку немедленно. Только вот на кого комбинат бросишь – это лишь и держит на месте, общественная польза превыше всего. Один прямо так и сказал: ничего не попишешь, уж таким меня мать родила, чтоб за дело народное стоять. Счастливая мать и счастливые ее предки также.

Ну да ладно об этом комбинате. Еще подумают, что там охрана хуже, чем у других. Ничуть не хуже и не лучше, такая же безупречная, как и везде. Возьмите вы всякие СМУ,

РСУ, ССУ и прочие технические учреждения. Там хмурые, озабоченные бухгалтеры, сметы, поправки и коэффициенты на влажность, мороз и летнюю жару. Попробуй там исчезни завалящий кирпич – сразу в сметах прореха, дом высотной постройки останется без этого несчастного кирпичика мироздания, а это уже недострой со всеми вытекающими последствиями для банков, гаражей с удобствами, дач, вилл, и прочих подсобных помещений. Видите, насколько все это серьезно, а вы, понимаете ли, шьете какие-то шуры-муры с охраной. Не надо этим раскидываться походя.

Я полностью разделяю заботу о чистоте рядов нашей охраны и потому возьму абстрактное предприятие с абстрактной же охраной, засекречу все выходные данные. Будем работать втемную, инкогнито. Не будем переходить на конкретные личности, чтоб никого не обидеть зря подозрительными ассоциациями.

Итак боец икс некой охраны игрек рассказывает:

Сначала я в родном своем колхозе в бригаде полеводов был. Потом в армию. Когда дембельнулся, в полеводы не захотел, и меня пристроили в эту самую... как ее... пенитенциарную систему. Я долго язык ломал, называя знакомым место службы, и никак не мог взять в толк, чем я буду заниматься, потому что, кроме как окучивать овощи, я ничего не умел. Но оказалось, что это система, где исправляют ошибки перед обществом за то, что плохо прятали концы в воду или не успевали их спрятать вообще. Или может так кому-то

надо было.

В этой хитро названной системе я занимался в подсобном хозяйстве и продовольственной службе. Так сказать по профилю предыдущей деятельности. Я старался, как мог, но хрюшки, которых мы выращивали, имели подлую природу куда-то бесследно исчезать, а вместо них появлялись бумаги, где туманно упоминались «недоопорос, плохое качество кормов привели к тому что... просим на основании вышеизложенного списать... единиц поголовья...». Вот за эти списания меня, как свидетеля этих мрачных событий, и выставили за ворота указанной системы с твердым наказом держать язык за зубами, как будто его можно держать еще где-либо. Первое время я все-таки постоянно щупал язык: есть ли он за зубами, но язык не свинья, он постоянно был при мне, и я постепенно успокоился.

С какой песней, то бишь формулировкой мне приказали маршировать на выход, точно не скажу. Скажу только, что остался в городе N и стал искать работу. Уже семья, дети. Куда ни ткнусь – смотрят в трудовую, сумрачно качают головой и «Извините, вакансий пока нет». Что-то мне шельмы эти зоновские написали не то.

Наконец взяли в охрану. Прочитали инструкцию, определили маршрут, выдали робу, карабин, кое– какие харчи в счет будущей зарплаты.

– Сколько оклад? – спрашиваю.

Вижу, начальство замялось, потеряло фасон и отвечает с

растерянной улыбкой:

– Сколько получится. Повременно.

Повременно так повременно. Дежурю. Месяц дежурю, два дежурю. Три. Получки нет.

– Как с оплатой? – спрашиваю опять с маленькой смелостью, так как слегка принял на грудь для большей убедительности.

– Денег на счету пока нет, – говорит начальник охраны и отводит глаза в сторону.

Ладно, жду, когда мыло на счету появится. Опять дежурю. Наконец выдали полтинник. И опять три месяца – ни гу-гу. Ну как платите, так и работаем, рвения особого не выказываем. Пришел на смену, замки проверил – и на боковую. Отхрапел двенадцать часов – сдавай замки и пломбы, целые и невредимые. А чего и воровать-то. Склады такие хилые, невзрачные – смотреть не на что. Что там можно умыкнуть? Ну и дыры везде, крыша течет. Если что и возьмут – я не виноват, я замки охраняю, пломбы стерегу, а за здания я не ответственный. Стукнуло восемь часов утра – шабаш, домой.

Ну а дома все хотят жр...ну есть. И не отвертишься и не захрапишь. «Понимаешь, Зин, начальство...тово...отнекивается...». «Вот и я буду отнекиваться», – заявляет жена и проносит тарелку мимо, не говоря уже про ночное.

Опять иду к этому, как это у них называется, руководству. Кабинеты чистые, светлые, паркет, компьютеры, секретарши длинноногие. Начальство сидит важное, сытое, холеное,

как татарский хан, и на отсутствие мяса в борще, видать, не жалуется.

— Когда же? — спрашиваю.

— Надо сперва налоги заплатить, а уж потом...

— А налогов много еще?

— Пока на месяца три, но еще будут расти. Еще пенсионный фонд, электроэнергия... — и бумажками шр-шр и в трубку: — «Алло-алло», — очень все, значит, заняты, прием окончен.

Ну не буду же я лезть в драку: еще попадешь в эту самую пенитенциарную систему, только по другую сторону сетки. Поворачиваю оглобли и иду ни солоно хлебамши куда глаза глядят и ноги несут. А куда несут ноги, когда ими никто не руководит? Правильно, к другу закадычному.

Надо сказать, человек ума государственного. Только постоянно этот ум алкоголем глушит — иначе, говорит, еще труднее жить. Помните, раньше «Голос Америки» глушили? «ш-ш-ш... Леонид Ильич полностью... ш-ш. др-др... говорят, товарищ Сулов категорически настаивал... ш-ш-ш». Ну и так далее. Короче, горе от ума, известное дело. Но ум все-таки пробивался лучше, чем тогда «Голос Америки». «Я с виду сер,— любил говорить дружаня,— да черт у меня не весь ум съел». Человечище. Изощрился до того, что стеклобоем и макулатурой стал на две бутылки ежедневно зарабатывать. Полторы отдавал в семью, а половинкой хлорировал мозги от всякой душевной заразы.

Рассказываю я, значит, Платонычу свою Одиссею, а он так умно, так ласково смотрит на меня, как Ленин на ходоков из народа, и спрашивает, аки Иисус Христос апостола:

– Храпишь на посту?

– Храплю, а что мне делать при такой зарплате?

– Это я могу храпеть, – он отвечает государственно, – я уже сегодня три коробки из-под телевизоров сдал и две – от стиральных машин, а также мешок бутылок из мусоропровода выудил. Я могу спать. А тебе, мил человек, спать не по чину. Ты действуй от противного: тебе не платят, а ты работай, то есть смотри в оба; тебе не платят, а ты еще усердней шарь по сторонам. Делай, как я учу, через неделю доложишь. А сейчас я тебя угощаю.

Отпускает же бог человеку. Ума – палата, как пить дать, палата, даже больше – дворец, Межигирье ума. Если у нас у дворника столько смальца в голове, то сколько же его должно быть у министра? Или менять их местами, что ли ? Но бывает, конечно, так, что и у дворника мозги куриные, не говоря уже о министрах. Посмотрел я на Платоныча молитвенно и пошел учиться.

Ночь стою на часах, как у Мавзолея, вторую стою, во все глаза зырю. Ничего не проглядывается обнадеживающего – темная ночь, тускло звезды мерцают. Неужто, думаю, напутал что-то Платоныч от избытка умственных возможностей. Ему хорошо умничать – у него мусоропровод под боком, и не надо ночами бдеть, а тут смотри, ходи, последние ботинки

бей. А может, Платоныч посмеяться надо мной вздумал? Это ему дорого обойдется. Одной «Русской» тут не отделаются.

Ладно, кумекаю, бог троицу любит. Да и в сказках все главное в третью ночь совершается. Подежурю еще одну ночь. Если и опять фанера над Парижем – тогда Платоныч упадет в моих глазах ниже плинтуса.

Стою третье дежурство. Опять одни звезды и луна, дело движется к полночи, глаза слипаются, так и хочется плюнуть на все и завалиться набок. Но креплюсь, надеюсь на интеллект Платоныча – не может ведь подвести такой человек, который из ничего делает деньги. Вдруг слышу: шаги, кто-то мягко ногу ставит. Я – за угол и наблюдаю. Стоп, Степан Тимофеевич, завскладом. Одиннадцать часов ночи, с чего бы это? Огляделось воровито материально-ответственное лицо – и ключ в замок. Тихонечко открыл дверь и скрылся в недрах склада. Через некоторое время появляется с мешком за плечами, тать эдакий. Ну я здесь и решил: пора.

– Стоп! – кричу, – стрелять буду. Кто такой?

Хотел, было, воришка припустить, но мешок чижелый.

– Ты чего орешь? – часто дыша, говорит Степан Тимофеевич. – Не видишь, что ли, завскладом это. Пришел проверить, как склад охраняется. Ну и кое-что взял, чтоб зря время не терять. Вчера в магазине купил, да не было времени домой отнести.

– Нет, – отвечаю, – дорогой Степан Тимофеевич. Это днем вы завскладом, а ночью вы – вор, и я сейчас сдам вас в поли-

цию. Там будете объяснять, где и что вы купили. Поворачивайтесь – и вперед. Шаг влево, шаг вправо – побег, открываю огонь на поражение. Кстати, что там у вас в мешке?

– Да ничего хорошего. Красочка, импортная, – ележно отвечает Степан Тимофеевич. – Сэкономил немного. Тебе, я думаю, тоже понадобится. И ты возьми штуки три-четыре.

Я взял пять банок, больших. И строго предупредил, чтоб больше такого не повторялось. Толкнул по сходняку. Перед следующим дежурством я уж крепко выспался. Бдю. Слышу: опять шаги, присмотрелся – заместитель начальника охраны.

– Стой, кто идет?

– Это я. Здравствуй, Дерюгин, бодрствуешь?

– Так точно, товарищ начальник.

– М-да, хорошо, молодец, – говорит, – а сам губы недовольно жмет. Походил-походил, потом опять ко мне, но уже доверительно:

– Бацнешь для сугреву, – и показывает чекушку самогону.

– Никак нет, товарищ начальник, на посту не положено.

– Ничего, – успокаивает шеф, – дежурство идет нормально, спокойно, можно и хлебнуть, при нашей-то жизни.

– Ладно, – говорю, – давайте, я ее через полчаса оприходу.

Отдал мне зам чекушку и ушел, а перед тем похлопал меня по плечу:

– Если и соснешь, то ничего. Я тебя подстрахую.

В какой другой раз я бы запросто заглотнул, но ведь сам Платоныч научал не дремать, а я в последнее время таким к нему доверием проникся, что стал подозревать: а не мес-сия ли он, переодетый в рубище дворника? Потому катего-рически приказал себе не искушаться. Жду, что будет даль-ше. Проходит час. И снова появляется зам. Я сделал вид, что сплю беспробудно. Он даже за плечо меня потряс – я только сладко чмокнул губами. А сам думаю: ах ты змея двухмет-роворостая, бойца охраны вздумал обмануть? Стража и га-ранта сохранности? Нет, не выйдет.

И вот еще через несколько минут: ш-ш-ш – гравий под шинами шуршит. Подъезжает «мерс» грузовой – и к складу. Выходят из машины мой зам и еще кто б вы думали? – один из тех, кто вечно занят, кто бекает в трубку, когда речь за-ходит о зарплате. Склад без зазрения совести открывают и давай отедова таскать шикарный линолеум, сантехнику им-портную, стиральную машину запечатанную.

Я жду. Как охотник зверя, пока он ни приблизится на рас-стояние выстрела. Вот они пломбируют опять склад, закры-вают дверцы «мерса», и тут моя очередь:

– Стой на месте, стрелять буду без предупреждения, – и карабин на них. – Руки за спину, в колонну по одному.

Подельник хмуро смотрит на зама: мол, что за мансы?

– Ты что, Дерюгин, – кричит тот, боясь сойти с места, – почему не спишь?

– Я на боевом посту, – сугубо официально отвечаю, – и

согласно инструкции обязан вас арестовать как расхитителей акционерного имущества.

– У нас все законно, – обращается ко мне старшой, – вот накладная выписана. Не хотелось только людей дразнить... время такое сложное... вот и решили ночью...

Подает мне документ. Я его внимательно разглядываю.

– А почему штампа «оплачено» нет? Липа выходит?

– Ах, да, в спешке забыли, завтра поставим. Кстати, какая у вас задолженность по зарплате?

– Четыре месячных оклада.

– Вот и хорошо. У нас наконец появились некоторые средства. Подойдете завтра в кассу – получите. И, кстати, Владимир Сергеевич, объявляю благодарность вашему бойцу за бдительность при исполнении служебных обязанностей. Это же надо – обнаружить отсутствие штампа в полночь при слабом освещении луной! Выдать премию в размере оклада.

«Пока вас не поймает на горячем, – думаю, – никакой премии не дождешься».

После этого у меня все пошло, как по маслу. Степан Тимофеевич стал своим человеком: сам тащит, а я тут как тут. С карабином и при исполнении. Начальник и зам ставят меня в пример, ну и кое-когда просят меня сделать отступление от инструкции. Я иду навстречу, но с чувством моральной борьбы с собой.

Я стал апостолом у Платоныча. Жду, что вот-вот он объявит о настоящей своей миссии.

– Всяк сверчок знай свой шесток, всяк дятел – свое дупло, и всякое органическое соединение, эстетически выражаясь, – свою прорубь. Ты бди-бди, да не забуривайся, – учил меня Платоныч, – иногда не грех и проспаться. Начальство не любит излишнего рвения ни в чем, служение начальству не терпит суеты.

Святая правда. Как он был прав; боже, как он был прав! Ну почему мы не ценим пророков в своем отечестве?! Мне бы и следовать его заветам. Так нет же, слаб человек. Я уже из долгов вылез, даже накапливать стал, жена меня зауважала, за столом первому подает. Да где-то перестарался я, перегнул палку, как говорил наш мудрый Платоныч, мало спал на посту – жадность заела.

Короче, повысили меня и перевели охранять бухгалтерию. А там одни бумаги. Бдел я, бдел, но никто за бумагами ночью не приходил. Теперь надо опять с Платонычем советоваться. Этот великий человек снова что-нибудь придумает, как в этих обстоятельствах заработать на хлеб с маслом.

Перевод

Как-то вечером позвонил мне приятель.

– Привет, Серега.

– Привет, что-то давно не звонишь.

– Дела, дела. А вот сейчас до зарезу нужна твоя помощь.

– Помогу, чем могу.

– Ты же у нас поэт?

– Я – прозаик, сколько можно тебе говорить?

– Ну поэт, прозаик – какая разница, самое главное, имеешь дело с писательством.

– Поэт и прозаик – это две больших разницы, как говорят в Одессе.

– Не буду спорить. Слушай. Есть у меня деловой партнер кавказской национальности. Молодой, красивый, душа-человек. Ну и втюрился в нашу. Встречались долго, но что-то у них не заладилось. Получил, как говорится, гарбуза. На парне лица нет. Около месяца он по ночам писал стихи. Естественно, на грузинском. Читал мне. Утверждает, что и Руставели с Табидзе не написали бы лучше по этому конкретному случаю. Не берусь судить. Но она на грузинском ни бельмеса, как и я. Омари написал на русском словами, но надо опять же написать стихи, прозой он уже изъяснялся.

– Это подстрочник называется.

– Не знаю, как это называется, но парень измаялся, про-

сит найти настоящего поэта, он хорошие деньги заплатит. Но чтоб настоящий, понимаешь?

– Что от меня конкретно надо?

– Я же думал, что ты поэт. Заработал бы и человека спас.

– Ты думал неправильно. Дальше.

– Ну найди, кто мог бы перевести.

– Если лучше Руставели и Табидзе – у меня таких нет.

– Ты же понимаешь, влюбленный... переборщил слегка.

– Я-то понимаю, понимает ли он?

– Я тебя убедительно прошу: помоги. Там видно будет: лучше, хуже. Любовь стихами не вернешь, но уж больно хороший человек. Пиши место встречи – скверик напротив Центрального рынка в 16.00. Будь вежлив и корректен. До свидания.

В назначенное время мы встретились. Молодой, симпатичный парень, хоть и зарос, как Робинзон Крузо.

– Послушай, дарагой. Дэвушка, я такой не видел ни до, ни после. Пэрсик. Как увидел – так и погиб. Несколько недель не решался познакомиться. Зауважал себя, когда хоть что-то смог сказать при встрече. Думал – буду совсем немой. Ах, какая дэвушка, вай-вай-вай. Если надо, я буду последним нищим, только бы видеть ее. Или, наоборот, буду работать от зари до зари, стану богатым и осыплю ее подарками – только бы вместе быть. Три месяца встречались, я глаз от нее не отводил, зато она по сторонам то и дело зыркала. И вот прихожу, а она меня знакомит: Виктор, школьный товарищ, мой

будущий муж. Ну я немного пошумел... посуду... синяки... Но я это не по злу. Просто надо было как-то выяснить отношения, выговориться. Я потом поставил себя на место этого Виктора. Он абсолютно невиноват. Будь я на его месте – разве я отказался бы от такой дэвушки? Пусть выходит замуж, я буду помогать, если надо. Это и будет продолжением моей любви. Так я говорю?

– Совершенно верно, но я здесь при чем?

– Я написал стихи. Читал своим родственникам. Замечательные, говорят, стихи. Но Лена их не понимает. Я вот здесь написал приблизительно, как надо перевести. Чтоб она поняла, что я ей не враг. У вас, мне сказали, много поэтов знакомых. Пусть, как это лучше выразиться, обобщат и напишут русскими стихами. Возьмите, пожалуйста, генацвале.

Отари передал мне три странички текста, написанные убористым почерком.

– Они люди умные, как я, сами выберут, что здесь главное. Чтоб стихи были не хуже, чем в журналах печатают.

– Молодой человек, к стихам не применяют понятия: «хуже» или «лучше». Это о хурме можно так сказать или об апельсинах. А стихи или есть, или их нет. Хорошие стихи бывают разные, бывают даже бессмертные, а плохие – они и есть плохие, их нельзя назвать стихами – это проза, написанная стихотворным способом.

– Так вот, мне бы хорошие, настоящие. Приличные дэньги заплачу. По десять долларов за строчку пойдет?

– Я не поэт и не торгош. На днях у поэтов наших будет общее собрание. Представляете, в небольшом зале будет десять поэтов или даже больше, если все сойдутся. Такой концентрации поэтов на один квадратный метр вряд ли где можно найти в наше время. Я им передам ваш подстрочник. Кто-нибудь да возьмется.

К участи несчастного грузинского поэта его русские и украинские собраты отнеслись с должным пониманием. Немного смушал объем подстрочника, но это уже были чисто творческие трудности, которые соискатели грузинской премии надеялись преодолеть. Все дружно ударили по перьям. Родилось одиннадцать вариантов любовных сонетов. Стихи были хорошие, настоящие и разные. В который раз я удивлялся, что значит творческая индивидуальность, и был горд за своих коллег. Но Отари отметал один вариант за другим. Наконец все одиннадцать переводов, которые я считал вполне сносными, оказались отвергнутыми.

– Понимаешь, – извиняющимся тоном пояснял Отари, – если бы к первому добавить три строчки второго, а у третьего взять только «безмолвно», у четвертого – настроение, а у пятого выжать особую нежность и добавить к благородству шестого и выбрать кое-что у остальных – вот тогда получилось бы то, что я хотел сказать своими стихами. Но они так не могут, да? – наивно спросил Отари.

– Ладно, я сам попытаюсь тебе помочь, – в сердцах сказал я. – Давай свои стихи.

Дома я несколько раз перечитал подстрочник. Отари и русской прозой владел неважно: какие уж тут стихи. Но сквозь лес грамматических и синтаксических ошибок пробивалась музыка высокого поэтического настроения, благородства и чистоты.

Я искал нужное всю ночь, и только утром нашел то, о чем писалось в подстрочнике. Я быстро набросал два четырехстишия из старой-престарой книги, что находилась в моей библиотеке.

Когда Отари их прочитал, у него просветлело лицо и загорелись глаза.

– Да! Да! – закричал он восторженно. – Это именно то, что я чувствую, что я хотел написать по-грузински, но даже на родном языке не смог так полно выразить. Давай немедленно я прочитаю тебе, как я это чувствую. И он прочитал:

Я вас любил. Любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем.
Но пусть она вас больше не тревожит:
Я не хочу печалить вас ничем.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То ревностью, то робостью томим.
Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам бог, любимой быть другим.

Кто это написал? Кому платить? Я согласен заплатить в два раза дороже! – закричал Отари с чувством.

– Никому платить не надо, – сказал я со вздохом. – Этот человек от нас очень далеко. Фамилия его Пушкин, а зовут Александр Сергеевич.

– Как жал! Как жал! – воскликнул раздосадованный Отари. – Очень хороший поэт.

– Как жаль, – в тон ему ответил я, – что в Грузии уже не учат русскую литературу.

Палец

У Кислицына неожиданно заболел палец. Хороший такой, холеный, музыкальный палец – и вдруг заболел. Ну и что из того, если заболел? – скажете вы. – Мало ли у кого может заболеть палец? Эка невидаль! Никакого информационного значения этот факт не имеет. Другое дело, если бы, скажем, он заболел у Киркорова – еще куда ни шло.

Кислицын сперва тоже так думал. Но палец болел сильно, несмотря на свою информационную малозначительность. Не отвертись. Уже Владимир Сергеевич и дул на него, и страдал, и уговаривал: мол, потерпи, не до тебя, сейчас всем больно: и пузырям, и сердцу, и заднице.

Не помогало. А надо было, чтоб палец был в строю: на послезавтра был назначен ответственный концерт. Пятую скрипку, конечно, могли и заменить, но Кислицын боялся, чтоб не навсегда. Поэтому Владимир Сергеевич вечером попросил жену сделать что-нибудь эдакое... Эдакое изыскалось в виде черной дегтярной мази, от которой в пальце дергало и шпыняло, как после отбойного молотка.

Утром палец набух, покраснел и напоминал уже не палец, а нечто более солидное в организме. Кислицын был человек мнительный, страшно боялся белых халатов и блестящих никелем хирургических инструментов. Он опять попросил жену, и вторая, лучшая половина Кислицына, посыпала ему па-

лец чем-то белым и крепко завязала шелковым платочком. С тем и отправился Кислицын на генеральную репетицию.

Но с платочком на пальце симфонические вещи, сами знаете, не исполняются. Когда музыкант снял повязку, глаза его испуганно округлились, как после нечетко сыгранной триоли. Палец покрылся кровавыми волдырями. Пятая скрипка вышла из игры. Мало того: во всей своей неприглядной неизбежности замаячил поход в поликлинику. Кислицын чуть не взвыл от досады, вся его одухотворенная натура, все его члены готовы были в экстазе играть симфоническую кантату, сделанную в ля миноре, а какой-то паршивый палец, занимающий мизерную долю процента от совокупного веса организма, этот насквозь физический палец, не имеющий никакого отношения к духовным процессам Владимира Сергеевича, ломал все его творческие планы, порывы и задумки. К тому же пинцеты, скальпели – о боже!

Но что делать, душа вечна, а тело тленно, и приходится, как ни прискорбно, с этим считаться, даже если тебе светит в будущем третья скрипка. Владимир Сергеевич показал палец дирижеру и, съездившись под его непримиримым, тяжелым взглядом, побрел в поликлинику. Там среди стерильных стен и чистых полов Кислицын отыскал знакомого стоматолога и:

– Евгений Иванович, очень тебя прошу, сведи к надежному хирургу, пусть посмотрит... и чтоб без боли, а?

Евгений Иванович свел. Хирург и по благу сказал то, что

он говорит и без блат:

– Резать.

Кислицын попробовал ему объяснить что-то о творческих исканиях, седеющих волосах и пятой скрипке с надеждой на третью, но хирург и без того много сказал, когда сказал:

– Об этом концерте и думать забудьте. Будем спасать следующие.

– Ну если иначе нельзя, – опять попросил Кислицын, как просят исполнить последнее желание перед смертью, – то сделайте эту процедуру хотя бы под общим наркозом.

Хирург вопросительно посмотрел на стоматолога.

– Да-да, коллега, – зачастил Евгений Иванович, движимый жалостью к пациенту – я ему снимал зубной камень, так два раза нашатырь давал. Очень мнительный пациент. Что вы хотите – музыкант!

Может, в будущем выведут такую породу музыкантов, у которых ничего не будет болеть: ни пальцы, ни уши, ни нос. А на данном этапе это очень хрупкие конструкции. И пока технический прогресс не дошел до вышеназванных высот, с ними возможны всякие нелицеприятные истории, как в случае с Владимиром Сергеевичем Кислицыным.

Вот ввели ему дозу наркоза. Чистят палец. А Владимир Сергеевич все чувствует и томится тревогой и болью. Ему добавляют средства успокоения. А он возьми да и упади в обморок. Или в кому, или в шок – точно не скажу. Наступает клиническая смерть. Команда в белых халатах сама в

полной растерянности. Это же не операция на аорте, где все можно списать. Палец, он и есть палец. Знаете выражение: простой, как палец. Простой-то простой, а здесь в наличии клиническая смерть. И покурить не захочешь. Наконец кто-то догадался: электрошок надо применить.

Кинулись применять электрошок. Распанахали Кислицыну грудную клетку, проникли к источнику живой энергии, который временно забарахлил, сделали электрошок, сердце опять приступило к работе. Здоровье оказалось железное, даром что музыканту досталось.

Оклема! наш Кислицын. Открывает очи: где он, что он? Белые халаты, уйма аппаратов и приборов – реанимация. Владимир Сергеевич с испугу чуть было опять ни упал в про-страцию. Потрогал себя – весь в бинтах, один палец одиноко торчит, и вроде бы как здоровый. Зато голова трещит, все тело ноет, и концерт, наверно, давным-давно прошел.

Через некоторое время заходит оркестр, в полном составе – больше 50 человек. С цветами, улыбаются. Дирижер говорит самокритично:

– Это я во всем виноват... я тогда посмотрел непримиримо на вас... хотел из оркестра удалить, как непонимающего общую концепцию моей парадигмы. Только теперь понял, что вы, Владимир Сергеевич – лучшая пятая скрипка в нашем коллективе.

Комплимент. Нет, чтобы к юбилею приберечь, или хотя бы к рабочему совещанию. Нет, только в реанимации. Та-

кие у нас традиции. А хирурга, стоматолога и анестезиолога Владимир Сергеевич так больше никогда и не видел. Иногда мелькнет, как творческое озарение, знакомая спина и растворится призраком среди больничной сутолоки. Сейчас Владимир Сергеевич систематически ходит в поликлинику на предмет состояния грудной клетки. А палец? Палец давно выздоровел.

Значение кондиционера

Я, старый еврей, не могу понять, что делается с нынешним климатом. Солнце постоянно тратит лишние калории и льет на наши бедные головы бесплатную энергию тогда, когда его об этом никто не просит, даже наш ребе.

Ну понятно, когда высшие люди во главе с нашим мэром во время оттепели одаривают всех 100-градусным теплоносителем, от которого всем дурно – что с них возьмешь: они избраны на одну каденцию, во время которой хотят отовариться на всю оставшуюся жизнь, им не до нас. Но наверху-то сидят уважаемые всеми личности: наш Яхве, ваш Христос, Аллах, Будда. С их стороны так просто невежливо изводить подчиненных такой жарницей.

Недавно притащилась с работы моя дочь Циля. Вид, как у тягловой, загнанной лошади.

– Циля, – говорю, – с таким вдовьим лицом тебя не станет снимать даже фотограф, который хочет хорошо заработать. А тебе ведь надо еще обдурить какого-нибудь Йоську, когда тому придет в голову глупая мысль жениться и начать плодить сынов израилевых. Что случилось, кто тебя так замучил?

– Папа, – отвечает Циля, – в банке, где я работаю, стоит ужасная жара. Мой стол стоит в самом дальнем углу. Кондиционер не работает, ко мне воздух доходит в последнюю

очередь, после Степаниды Ильиничны. Ты не видел Степаниды Ильиничны, иначе бы ты залился горячими слезами и предпочел бы посадить свою дочь в камеру предварительного заключения, когда туда приедет консул Израиля. Степанида Ильинична испускает такие ароматы, что мы никогда не тратимся на средства против комаров, мух и тараканов. В этом ее единственное достоинство. Но, кажется, я следующая на очереди после тараканов.

– Циля, но ведь есть же правила техники безопасности и охраны труда. Пусть бы вас поменяли местами.

– Папочка, Степанида Ильинична – это последний мазок на большой картине, написанной в духе социалистического реализма. Есть еще Алевтина Сергеевна, предпочитающая запах садовых цветов и распространяющая его на всю окружающую действительность в концентрации, способной убить медведя. Есть Павел Карлович, приходящий на работу после часовой прогулки по городу со всеми вытекающими отсюда последствиями и душком. Еще есть посетители, главная задача которых, кажется, состоит в том, чтобы окончательно отравить «атмосферу». У нас установили кондиционер, но и он не выдержал таких нагрузок, теперь работает только в режиме калорифера.

– Циля, у тебя есть законное право жаловаться на плохие условия существования.

– Папочка, я всегда тебя уважала за дельные советы, но сейчас ты рассуждаешь, как наивный представитель народа

перед избирательной урной: на этот раз уж я выберу достойного кандидата. Кому я могу пожаловаться? Я могу пожаловаться только в мацпекарню на плохой промес теста.

– Ты ходила к директору банка, предварительно подкрасив губы и наведя макияж?

– Папа, была б я такая умная вчера, как ты сегодня. Директор у нас Новелла Оголтеевна. Попробуй к ней заявись в макияже и чтоб губы были сочными?! Сожрет заживо. Она всех ревнует к своему шоферу, который возит ее на служебной машине, а я еще незамужняя. Я пришла, как ходят в си-нагогу по будням.

– Ну и что ты сказала этой мегере?

– Я сказала, что надо бы отремонтировать кондиционер, иначе мои похороны станут дороже.

– И что же тебе ответили на справедливые требования воздуха?

– Ответили, как отвечают на все справедливые требования: вот вернется из отпуска завхоз, а потом туда же уйдет электрик, а когда они наконец объединятся, то завхоз попытается уговорить электрика отремонтировать кондиционер.

Кондиционер к тому еще жрет очень много энергии, которая стоит очень дорого в отличии от всяких там экономистов-аналитиков. У банка, мол, и без того уйма проблем, мол, клиентуры мало, и если так пойдет дело, то и кондиционер, возможно, не понадобится. Вот что сказала Новелла Оголтеевна и добавила, что юбку можно было бы носить и

поскромнее; что стройные ноги даются не навсегда и нечего ими щеголять, как фальшивыми бриллиантами.

– Чувствую я, что ты заставишь меня очень долго жить, Циля, прежде чем я пристрою тебя к такому месту, чтоб тебе не дуло. Запомни, дочь моя, что прямая – она только в геометрии самая короткая линия. А в жизни прямая длиннее многих кривых, которые соединяют начало и конец. Если тебе нужно, чтобы отремонтировали кондиционер, надо говорить совсем о других вещах. Ладно, иди учись готовить фаршированную щуку, а я буду думать, как сделать тебе хорошо.

Я думал целый вечер и украл у себя еще два часа полноценного сна, пока не придумал, как помочь Циле дышать свежим, прохладным воздухом. Утром я позвонил директору банка.

– Алло, это банк «Милости просим»?

– Да, это банк «Милости просим».

– Я не совсем понял насчет названия: это вы так радушно приглашаете, или намекаете на милостыню?

– Не морочьте мне голову, гражданин. Читайте, что написано и делайте выводы. Что вам надо?

– Я вчера припелся своими подагрическими ногами к вам к банк, чтобы сэкономить на маршрутке. И что же я там вижу...

– Гражданин, вы наверно, перепутали наш банк с поликлиникой.

– Хорошо сказано. Вы имеете ввиду, что и там и там надо деньги оставлять?

– Оставьте свои шуточки на черный день. Что вы хотели в банке?

– Что можно хотеть в банке? Хотел положить на депозит миллионов десять.

– Так-так...извините, пожалуйста ... это совсем другое дело. Я в таком случае вас внимательно слушаю. В гривне?

– Деточка, в нашем доме дело с мусором поставлено очень хорошо, вы меня поняли?

– Я поняла. Как вас зовут? Соломон Моисеевич? Очень приятно, Соломон Моисеевич. А меня Новелла Оголтеевна. Так что же вам помешало, Соломон Моисеевич?

– Атмосфера, Новелла Оголтеевна, атмосфера. Банк – это святыня, это храм денег. Воздух в банке должен быть свежим, как поцелуй семнадцатилетней красавицы, как легкое дыхание ребенка. Вы целовали кого-нибудь в семнадцать лет, Новелла Оголтеевна? Вы не позволяли...понимаю...вы учились...м-да...чтож, тоже очень похвальное занятие. Я вам сочувствую. Можно тогда придумать другое сравнение. Банк – это водяная лилия, она увядает через пять минут после того, как ее сорвут. Банк увядает сразу после первого неплатежа или после первого ухода недовольного клиента. А клиент оценивает банк не по уставному фонду и активам, а, в первую голову, по запаху, который источает банк. А у вас что? Зашел, а мне навстречу чесночный запах, аромат деше-

вых цветочных духов, запах тучных потных тел.

– Временные трудности, Соломон Моисеевич, не все в нашей власти.

– Милая моя Новелла, разрешите мне такую вольность в мои восемьдесят лет, банк – это учреждение, которое по определению не должно иметь трудностей. Если у него временные трудности – это гоплык, амба, каюк, кранты.

– Соломон Моисеевич, завтра все будет в норме. Приходите, кладите свои денежки в наш банк, мы их сохраним и умножим.

– Какой процент вы даете на депозит?

– Двадцать, а по валюте десять. А на такую сумму, как у вас, мы дадим даже двенадцать, в порядке исключения.

– Новелла Оголтеевна, скажите, вы перешли в банк после сокращения в горисполкоме?

– А откуда вам это известно?

– Старому еврею все известно – на то он старый еврей. Известно даже то, что хороший банк – это банк, где за депозит платят пять процентов и меньше.

– Вы меня не понимаете, Соломон Моисеевич. Я же хочу, как лучше.

– Хотел бы я так вас не понимать, как я вас понимаю, Новелла Оголтеевна. Я всю жизнь прожил часовщиком, а мой прапрадед был банкиром, и дед был банкиром, и отец некоторое время был банкиром, а потом стал часовщиком, потому что, копуша, опоздал на пароход, что уходил из Одессы

в Марсель.

—Откуда же у вас такие деньги, Соломон Моисеевич?

— В Нью-Йорке умер дядя моего дяди. Тот первый дядя успел-таки на тот пароход из Одессы. . . . вы меня поняли? Если вам придет перевод из Манхеттен Чейз банка, то это будет от моего дяди. Может, даже завтра, почему нет? Но только если у вас воздух будет посвежее.

На следующий день Циля вернулась веселой.

— Папа, — сказала она, — ты не представляешь, какой гембель был сегодня в банке. И как мы себе удивились. Мыли, драили все подряд. Кондиционер исправили. Правда, до меня свежий воздух по— прежнему доходит через Степаниду, но все-таки доходит. Алевтине Сергеевне запретили душить-ся духами «Сирень». Павлу Карловичу приказано перед работой освежаться в душе.

— Правда? — удивился я, — ты не врешь?

— Пусть Степанида Ильинична так пахнет, как я вру. Вчера, говорят, был клиент, после которого все и началось.

— Дорогая моя Циля, — сказал я. — Сколько тебе нужно долбить, чтобы ты ни при каких обстоятельствах не забивалась в угол? В автобусе, театре, в гостях, на работе не позволяй себя заталкивать в угол, всегда держись середины. В середине, говорят инженеры и ученые, меньше всего давление, а я до этого вывода дошел своим умом. Держись середины, она всегда остается в лучшем положении при любых изменениях. Кондиционер — лишь напоминание об этом и о

прямых и кривых линиях, о которых я тебе говорил. Клиент, что вчера был, говорил хоть что-то о кондиционерах? Нет? Я так и думал. А кондиционер исправили в первую очередь.

История с дубом

Абрам Иванович Балкинд очень хотел жить долго и продуктивно. Так сильно хотел, что после вечернего чая читал не Толстого и Достоевского, а штудировал всякие медицинские практики и пособия по диетическому питанию, надеясь найти там надежные пути к гарантированному долголетию. Как человек, привыкший делать все основательно, Абрам Иванович начал с основ, то есть с Гиппократы, Асклепия и Авиценны, потом пошли алхимики, Парацельс и прочие светила средневековья. Древние ничего нового не сказали Балкинду, кроме известных рекомендаций насчет умеренности в еде, вреде переедания, набивания брюха на ночь и прочих прописных истин.

Новые времена открывались немцем Кнайпом со своей системой водных процедур от всех болячек. Он советовал ходить босыми ногами по росе, по камешкам, обливаться до локтей, потом до пояса, затем надевать на себя мокрую рубаху и потеть до изнеможения, и после этого должно наступать попушение хворей. Система Кнайпа отметилась в жизни Абрама Ивановича легкой ангиной и болями в пояснице, после чего отверглась как недееспособная.

Наступила эра Порфирия Иванова. Тот сразу брал быка за рога. Надо было отрастить бородищу, как у Карла Маркса, раздеться до трусов и уходить во выюгу и прочие суровости

природы. Затем ведро ледяной воды на голову и семь суток не есть. Если после таких кардинальных мер ты оставался жить, значит, будешь жить долго и счастливо. После крупозного воспаления легких пришлось оставить эту мужественную практику и отойти на заранее подготовленные позиции в виде участкового терапевта с его архаическими манипуляциями и направлениями в аптеку.

Далее были йоговские асаны, системы Шаталовой, Семеновой, Иванова, Петрова, Сидорова, а также зарубежных авторитетов: Брегга, Шелтона, Озавы и Ниши, вкупе с трансцендентальной медитацией, ребефингом, холотропной терапией и дианетикой.

Но наибольшее доверие внушала аутогенная тренировка. Ею Абрам Иванович занялся основательно. Главным здесь было расслабиться и проговаривать: «Я спокоен, я совершенно спокоен, я абсолютно спокоен, как зеркальная гладь озера». После таких проделок с собственной психикой тебе уже не страшны никакие земные катаклизмы и потрясения. Балкинд добросовестно расслаблялся, заставлял себя чувствовать тепло то в правой, то в левой руке, приятный холодок на лбу, но от влияния земных катаклизмов так и не избавился. Более того, обыкновенный вызов к начальнику орошал его лоб капельками пота в полном противоречии с тем, что предполагала аутогенная тренировка, и сердце стучало так, что ни о какой зеркальной глади озера говорить не приходилось.

А годы между тем летели, все лучшие годы. Пустыня лысины поглощала редкие оазисы растительности на голове Балкинда, и приходили безрадостные мысли о приближении старости. В поиске верных, окончательных, средств борьбы со злой каргой Абрам Иванович наткнулся на учение друидов о целебной силе деревьев. «Эге!— воскликнул он про себя,— кажется, это как раз то, что мне нужно. Это тебе не какая-нибудь писанина современных шарлатанов. Это практика, проверенная веками. Здесь опора на природу. А природа— матушка, она никогда не подведет, в ней заложены базовые, краеугольные основания. Тут, брат, не пошалишь, тут не вилами по воде писано, тут все кондово, изначально. Американские секвойи живут по две тысячи лет и продолжают жить, несмотря ни на что. Есть примеры и поближе. В Черниговской области, говорят, есть дуб, под которым с котомкой отдыхал еще Григорий Сковорода, а потом Тарас Григорьевич Шевченко сочинял под ним свои стихи. Может, это и легенды, но под каждой легендой есть исторические основания».

И Абрам Иванович с прежним неумным энтузиазмом принялся изучать и применять на деле тайные знания друидов, ведущие свою родословную, быть может, от развалин Стоунхенджа, от которого, в свою очередь, прослеживаются связи с внеземными цивилизациями. Вот как глубоко мыслил и далеко глядел Абрам Иванович Балкинд, когда задумывал основательно погрузиться в тайны кельтских древних

познаний.

Он, в частности, выяснил, что, оказывается, каждое дерево излучает биоэнергетические волны, несущие как положительную, так и отрицательную энергию. Оно может и наградить вас энергией, и забрать, в зависимости, видимо, от своего коварного характера. Осина, например, забирает энергию у всех без разбора. Поэтому ее сажают на могилах всяких отрицательных персонажей, таких, как ведьмы, вурдалаки, кикиморы, маньяки всех мастей и народов. Если такие субъекты после смерти продолжают шебуршиться и нарушать покой законопослушных граждан в виде призраков и привидений, то в изголовья могил всаживают осиновый кол и сотворяют молитву, после чего активность хулиганов из потустороннего мира резко падает.

Есть, наоборот, деревья, которые придают человеку бодрость и мощь. Прилагался список таких деревьев и расписано по датам рождения, кому эти деревья в наибольшей степени благоприятствуют. Абраму Ивановичу по календарю больше всего подходил дуб. Друиды советовали, чтоб дуб был не слишком старый, но и не слишком молодой. Он должен быть крепким, ветвистым, зеленым от основания до макушки. Только тогда энергия от него будет большая и положительная. Балкинд несказанно обрадовался, когда недалеко от дома нашел именно такой здоровый, цветущий дубок, которому было лет сорок, не больше.

Абрам Иванович стал ежедневно общаться с дубом. При-

дет вечером, притронется рукой к стволу и беседует на предмет того, что неплохо бы поделиться энергушкой; что когда ее много—это есть не слишком хорошо: можно ведь и перегореть. А вот когда делишься, как с другом, тогда совсем другой компот получается. А он, Абрам Иванович, является убежденным другом природы, ее помощником и охранителем, он посадил в своей жизни не одно дерево, а целых три, хотя и не по своей воле, а как велела партия и правительство. Но он был заодно с этими уважаемыми общественными институтами и может, не кривя душой, считать себя поборником чистой экологии. Так что Балкинд и дуб, можно сказать, единое целое. А ежели так, то хлеба горбушку – и ту пополам, а уж об энергии и говорить нечего: тебе половина, и мне половина.

Так беседовал Абрам Иванович с дубовой молодежью. Прошел месяц, другой, третий. Значительного прироста поголовья энергии не наблюдалось. Балкинд изменил тактику. Он решил, что недостаточно тесно контактирует с дубом. Абрам Иванович стал не просто притрагиваться к дубу ладонью, а обнимал его полностью по всей окружности ствола, надеясь таким образом увеличить съем энергии с каждого квадратного сантиметра площади контакта.

Дубок на несанкционированный забор энергии от него не реагировал никакими отрицательными эмоциями и негативными проявлениями и по-прежнему весело шелестел всеми своими листочками.

Однажды вечером, как обычно, Абрам Иванович, возвратившись с работы, переоделся в хлопчато-бумажный синий спортивный костюм и вышел на randevу с дубом. Дубок, надо сказать, рос в глубине аллеи, в укромном местечке, и мало кто видел эти интимные свидания, а если и видел, то не обращал на это никакого внимания— мало ли кто увивается вокруг молодого деревца. Поэтому Балкинд без всякого стеснения и хлопот подошел к своему донору и начал привычно ворковать с ним. Сеанс обычно продолжался около получаса.

В тот раз прошло не более десяти минут, как вдруг с проезжей части дороги донесся резкий скрежет колес. Абрам Иванович недовольно обернулся, и в тот же миг сердце его екнуло. Зеркальная гладь его души пошла крупной рябью. Напротив него остановился милицейский уазик. Из машины вышли двое милиционеров и направились к нему. Балкинд вдруг понял всю нелепость своего положения: он обнимал дерево в простом хлопчато-бумажном спортивном костюме, без галстука, без документов, в летних тапках на босу ногу. Что он сможет объяснить милиционерам?

— Здравствуйте, гражданин,— весело сказали милиционеры,— что мы тут делаем?

Балкинд начал про себя шептать спасительные слова: «Я спокоен, я совершенно спокоен, я абсолютно спокоен, как зеркальная гладь озера». Но гладь озера теперь бурно ходила волнами и излилась испуганными словами:

– Да так...общаюсь с природой.

– Весело общаетесь,– засмеялись молодые парни,– как же-
ну чужую, обнимаете березку? Одурели в доску, что ли ?

– Это не березка, а дубок,– несмело возразил Балкинд,–
родственное мне дерево... обмениваемся энергиями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.